

К проблеме нормативных показателей в патопсихологической диагностике

Султанова А.С.,

кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания» Российской академии образования, Москва, Россия, alfiya_sultanova@mail.ru

Иванова И.А.,

кандидат физико-математических наук, ведущий специалист, Психологический центр «Сателлит», Москва, Россия, irina_a_ivanova@mail.ru

В статье поставлен вопрос об актуальности нормативных данных, с которыми, согласно традициям отечественной клинической психологии, необходимо сопоставлять результаты экспериментальных исследований. Можно предположить, что общественные изменения, происходящие в последние десятилетия, должны отражаться на процессе формирования мышления и других психических функций. Проведено пилотажное исследование с целью выявить особенности выполнения классических патопсихологических методик здоровыми испытуемыми. В исследовании принимали участие психически здоровые, адаптированные в социуме люди 20-39 лет, получающие или имеющие высшее образование; использовались методики: «Классификация предметов», «Пиктограмма», заполнение пропущенных в тексте слов (тест Эббингауза), «Толкование пословиц». Результаты эксперимента позволили выявить две сферы, в которых изменения оказались наиболее существенными, – эмоционально-мотивационную (личностную) сферу и мышление. Многим испытуемым были характерны: настороженно-тревожное отношение к эксперименту, повышенное эмоционально-личностное отношение к стимульному материалу, снижение критичности к результатам своей деятельности, нейродинамические расстройства, непоследовательность мышления, разноплановость мышления, тенденция к резонерству, эгоцентричность мышления (по мнению авторов, в быту эти особенности проявляются в виде «патопсихологии обыденной жизни»). Необходимо проведение специальных масштабных научных исследований, посвященных данной проблематике.

Ключевые слова: клиническая психология, патопсихология, патопсихологическая диагностика, нормативные показатели.

Для цитаты:

Султанова А.С., Иванова И.А. К проблеме нормативных показателей в патопсихологической диагностике [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2017. Том 6. № 2. С. 83–96. doi: 10.17759/psyclin.2017060207

For citation:

Sultanova A.S., Ivanova I.A. To the Problem of Normative Data in Pathopsychological Diagnostics [Elektronnyi resurs]. Clinical Psychology and Special Education [Klinicheskaiia i spetsial'naia psikhologiiia], 2017, vol. 6, no. 2, pp. 83–96. doi: 10.17759/psycljn.2017060207 (In Russ., abstr. in Engl.)

Один из основополагающих принципов проведения диагностического исследования в отечественной клинической психологии – сравнительный анализ полученных результатов с нормативными данными. Б.В. Зейгарник отмечала, что соотнесение результатов исследования с данными здоровых лиц соответствующего возраста, пола, образования было одним из основных принципов патопсихологического исследования еще в школе В.М. Бехтерева [5]. Данный принцип соблюдается в настоящее время практически во всех клинко-психологических исследованиях (например, в диссертационных работах): проводится сравнительный анализ результатов нескольких групп испытуемых – основной и контрольной («нормы»). Однако специалист, работающий в клинике, стационаре или в частной практике, не имеет возможности исследовать контрольную группу и должен ориентироваться на нормативные показатели к каждой применяемой методике, в том числе к классическим методам патопсихологического и нейропсихологического эксперимента. При этом возникает ряд вопросов, прежде всего, – об актуальности нормативных данных.

Согласно концепции Л.С. Выготского [1; 2], развитие любой высшей психической функции (ВПФ) является культурно обусловленным процессом, то есть зависит от социально-исторических факторов. Можно предположить, что общественные изменения, происходящие в последние десятилетия, должны были отразиться и на процессе формирования мышления и других ВПФ. Как отмечает Д.И. Фельдштейн, «мы столкнулись сегодня с очень сложной ситуацией, когда глобальные изменения (экономические, технологические, социальные)... обусловили качественные изменения самого человека – его восприятия, сознания, мышления, потребностно-мотивационной и эмоционально-волевой сфер, его жизненных ритмов, пространства деятельности, структуры отношений, душевных переживаний, этических и ценностных аспектов бытия» [6, с. 103]. Соответственно, возникает вопрос: что сейчас можно рассматривать в качестве нормативных показателей? Можно ли опираться на те нормативные данные, которые описаны в книгах классиков клинической психологии? Что, например, нужно принять за норму при исследовании мышления – мышление, опирающееся на законы формальной логики (которые, конечно, неизменны и существуют вне зависимости от социально-исторических факторов), или мышление современного человека? Особенно сложная в этом плане ситуация в детской клинической психологии. Если в патопсихологии

детского возраста появляются новые методы, в которых представлены сравнительные данные [например, 4], то в детской нейропсихологии экспериментатору зачастую приходится уповать на профессиональную интуицию, так как достоверных нормативных показателей просто нет. Опирайтесь на умозрительные книжные данные или диссертационные работы, которые выполнены на группе детей, состоящей из 15 человек, на наш взгляд, недопустимо. Единственный выход из сложившейся ситуации – проведение специальных масштабных исследований. Нами было проведено пилотажное исследование, представленное ниже. Необходимо отметить, что мы избегали погружаться в теоретические проблемы выделения критериев нормы и патологии, поскольку в данном случае ставили конкретную **задачу** – выявить особенности выполнения классических патопсихологических методик молодыми здоровыми испытуемыми.

В исследовании **приняли участие** 50 взрослых психически здоровых (никогда не обращались за психиатрической помощью, без признаков психического расстройства) и социально адаптированных испытуемых 20–39 лет, получающих или имеющих высшее образование. Применялись методики: «Классификация предметов», «Пиктограмма», заполнение пропущенных в тексте слов (тест Эббингауза), «Толкование пословиц» [7]. Анализ результатов исследования позволил выделить основные особенности, свойственные большинству испытуемых.

1. *Особенности, касающиеся процесса исследования и актуализации личностного отношения испытуемого к эксперименту.* Б.В. Зейгарник писала, что «при всех индивидуальных различиях здоровые испытуемые стараются выполнить инструкцию, "принимают" задание, между тем как психические больные иногда не только не стараются выполнить задание, но и превратно толкуют опыт или активно противостоят инструкции» [5, с.23]. В нашем исследовании отношение к эксперименту, как правило, было довольно настороженным (рис. 1).

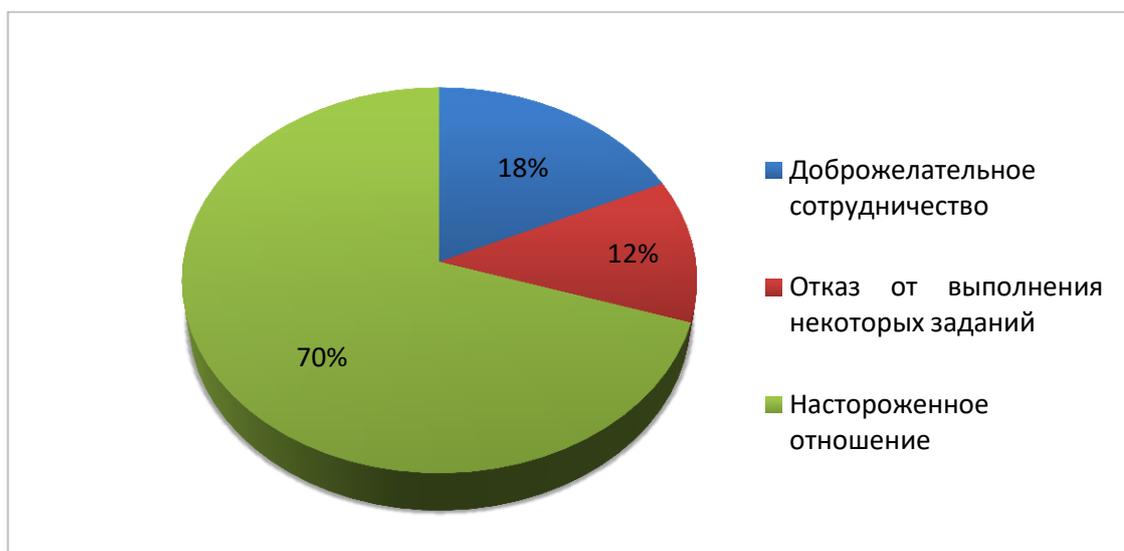

Рис. 1. Отношение испытуемых к ситуации обследования

Очень часто (70%) испытуемые переспрашивали: «Зачем это нужно?», в ряде случаев (12%) отказывались выполнять какое-либо задание. Многие испытуемые объясняли свое негативное отношение к эксперименту неоднозначным отношением к психологам вообще, при этом ссылались на СМИ как на основной источник формирования своих представлений. Возможно, имели место проявления общего повышения уровня тревожности в обществе. Обращало на себя внимание довольно чувствительное отношение к замечаниям-подсказкам со стороны экспериментатора. Доброжелательное сотрудничество, которое описывается в классических работах по клинической психологии и которое встречалось в нашей практике десятилетие назад, отмечалось довольно редко.

2. Очень часто (78%) наблюдалось *повышенное эмоционально-личностное отношение к стимульному материалу*. Испытуемые при выполнении методик «Классификация предметов», «Толкование пословиц», «Пиктограмма» были склонны опираться в основном на личный прошлый опыт и свою жизненную ситуацию, что рождало впечатление о некотором эгоцентричном своеобразии ответов. Наиболее ярко этот феномен проявлялся в «Пиктограмме», но наблюдался и при выполнении других методик. Так, при толковании пословиц испытуемые часто объясняли пословицу, апеллируя к значимым для них в данный момент проблемам, подчас спорили с ней, демонстрировали повышенные эмоциональные реакции.

Из протоколов обследования.

Методика «Толкование пословиц», пословица: «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива». Испытуемый (Исп.) – женщина, 26 лет.

Исп.: Это неправда! Зеркала часто искажают. В одном зеркале я толще, а в другом худее.

Методика «Пиктограмма». Испытуемый – мужчина, 24 года. Для запоминания слова «богатство» рисует перечеркнутую монету, поясняя: «Это не для меня». Испытуемый – женщина 30 лет. При запоминании словосочетания «тяжелая работа» рисует книгу.

Методика «Классификация предметов»; группа: метла, штангенциркуль, сантиметр, весы, телега, глобус, очки. Испытуемый – мужчина, 32 года.

Эксп.: как Вы назовете группу?

Исп.: Ну... ненужные предметы... не использую...то, что не нужно...

Эксп.: Кому не нужно?

Исп.: Мне.

Эксп.: Как Вы назовете группу?

Исп.: Ненужные мне вещи.

3. Многим испытуемым было свойственно *снижение критичности к результатам своей деятельности* (рис. 2).

Рис. 2. Критичность к результатам своей деятельности

Часто наблюдались нечеткое следование инструкции даже после ее повтора; быстрая актуализация «защитных механизмов» при затруднениях или неуспехе (обсуждение стимульного материала, принижение значимости результатов и прочие); затруднение процесса сопоставления полученных результатов с заданными условиями задачи. Например, испытуемые использовали буквы и слова в «Пиктограмме» (рис. 3), в методике Эббингауза вставляли в текст словосочетания вместо одного слова, оставляли пропуски незаполненными, не сопоставляли вписанные слова с текстом. Часто создавалось впечатление, что испытуемые заполняют пропуски наугад, первыми пришедшими на ум словами. Только 8% испытуемых перечитали и проверили текст полностью после заполнения всех пропусков. В 16% случаев у испытуемых возникали затруднения в установлении смысловой связи между отдельными элементами текста («мешают пропуски»); 6% испытуемых отказались выполнять задание, сочтя его слишком сложным.

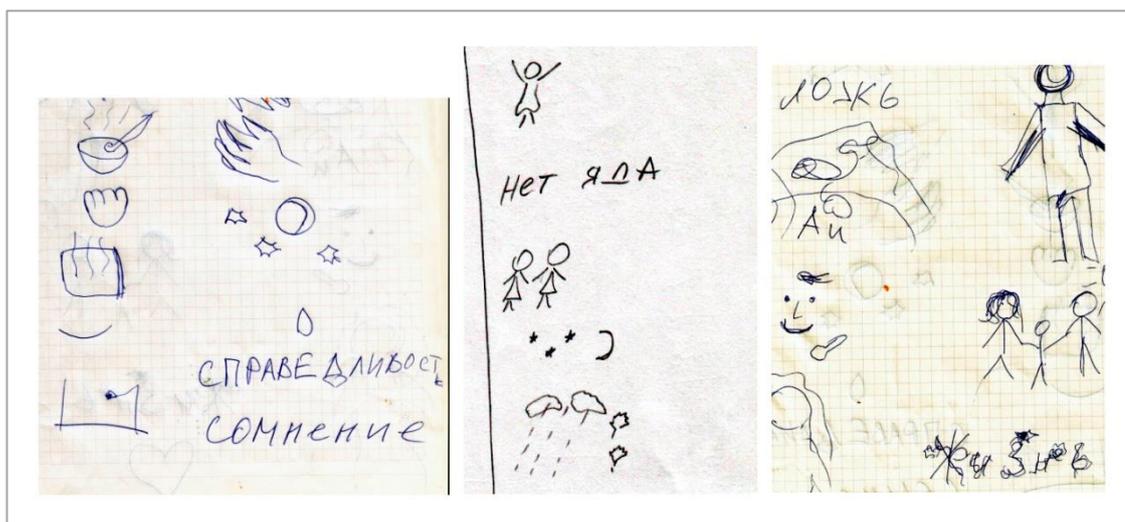

Рис. 3. Образцы выполнения испытуемыми методики «Пиктограмма»

Наибольшие затруднения в подборе слов возникали, как правило, в определенных местах текста. Так, 60% испытуемых ошибочно заполнили пропуски в следующих предложениях: «холодный ветер выл как _____ дикий _____»; «девочка... начала что-то _____ у себя под ногами», «...ручонками стала _____ по сугробу»; наиболее распространенная ошибка заполнения: «своими посиневшими... ручонками стала ходить по сугробу». Отметим также, что при выполнении теста около 60% испытуемых допускали грамматические ошибки, неверно согласовывали слова в предложении, допуская ошибки в числе или в падеже.

Выполняя методику «Классификация предметов», 34% испытуемых не принимали помощь и подсказку экспериментатора, настаивали на своем способе выделения групп, то есть имела место ошибка суждения [7, с. 88]. С.Я. Рубинштейн, описывая подобное поведение у больных, отмечала: «Такая реакция больного свидетельствует о снижении критики, потому что при любой убежденности больной должен был бы понять, что экспериментатор в данном вопросе лучше разбирается. Такого типа не критичность встречается у больных шизофренией» [7, с. 88].

Из протоколов обследования.

Примеры заполнения пропусков в тексте *методики Эббингауза* (орфография испытуемых сохранена):

«Над городом низко повисли снеговые тучи. Вечером началась дискотека». «На ней было плохое платье с узкими рукавами, а на плечах куртка». «На ней было плохое одянье с узкими рукавами, а на плечах плоток». «Она была худа и бедно голодна». «Она медленно и с _____ пробиралась по ямам на дороге». «Валенки сваливались с ног и было трудно ей идти». «Наконец она встала на место и своими посиневшими от снега ручонками стала ходить по сугробу».

Методика «Классификация предметов», 2-й этап. Испытуемый – мужчина, 28 лет.

Исп.: Ну ведь и так можно, как я. Сколько людей, столько и мнений.

4. Одним из самых трудновыполнимых заданий для большинства испытуемых (86%) являлось «Толкование пословиц». В данном случае мы сочли возможным использовать именно прием объяснения смысла пословиц, а не методику соотношения пословиц и фраз. Методика применяется в патопсихологическом исследовании не только для исследования уровня развития речи субъекта, но и его способности вычленить главную мысль, умения понять переносный смысл фразы и оперировать им, а также для выявления уровня дифференцированности и целенаправленности суждений испытуемого [7, с. 119]; за рубежом задания на понимание пословиц входят в тесты измерения интеллекта (например, тест Векслера для взрослых) [14] и в патопсихологические шкалы (PANSS, рубрика Н 5 – «Нарушение абстрактного мышления») [12].

При проведении эксперимента использовались одиннадцать пословиц: «куй железо, пока горячо»; «цыплят по осени считают»; «нечего на зеркало пенять, коли рожа крива»; «не красна изба углами, а красна пирогами»; «лучше меньше, да лучше»; «взялся за гуж – не говори, что не дюж»; «тише едешь – дальше будешь»; «не в свои сани не садись»; «не все то золото, что блестит»; «семь раз отмерь, а один раз отрежь»; «не по хорошу мил, а по милу хорош». Пословицы предъявлялись в виде напечатанного текста и сопровождалась инструкцией: «Прочитайте, пожалуйста, каждую пословицу и объясните ее смысл». Среди пословиц можно выделить легкие и сложные для понимания испытуемыми. К сложным пословицам, которые, как правило, неверно интерпретировались, относятся: «цыплят по осени считают», «не в свои сани не садись», «не по хорошу мил, а по милому хорош».

Правильное понимание переносного смысла первых десяти пословиц, связную их интерпретацию с высоким уровнем обобщения, абстрактного мышления продемонстрировали около 20% испытуемых. Для 30% испытуемых доступным было понимание смысла большинства пословиц на конкретно-ситуационном уровне, объяснение сопровождалось бытовыми примерами; остальные допускали ошибки в толковании большинства пословиц. При неправильной трактовке пословицы испытуемые демонстрировали разные уровни обобщения – от конкретно-ситуативного до высокого. Например, «не в свои сани не садись» испытуемый объясняет: «Надо всегда пользоваться своим транспортом» – неправильное толкование пословицы с довольно высоким уровнем обобщения. Особую трудность вызвала одиннадцатая пословица, которую правильно понял лишь один человек. В данном случае не помогла просьба привести конкретный пример из своего опыта или иных жизненных ситуаций, которым соответствовал бы смысл пословицы. Стихотворение Ф.И. Тютчева: «Прими как дар любви мое изображение, // Конечно, ты его оценишь и поймешь, // Припомни лишь при сем простое изречение: // “Не по хорошу мил, а по милу хорош”» – не только не помогало, а усугубляло ситуацию, вызывая у испытуемых реакцию замешательства.

Необходимо отметить, что достаточно часто испытуемые демонстрировали трудности в связном изложении своих мыслей, в подборе нужных слов. Лексика пословиц порой была для них непривычна, возникали сложности в понимании слов «пенять», «за гуж». Многие испытуемые демонстрировали стиль изложения, напоминающий интернет-общение или общение через sms; у них наблюдалась неспособность к составлению полноценного развернутого высказывания на классическом русском языке. Таким образом, несмотря на высшее образование, многие испытуемые характеризовались небогатым активным словарным запасом, невысоким уровнем развития речи.

5. Многим испытуемым (рис. 4) были свойственны такие особенности мышления, как *непоследовательность* (58%), *разноплановость* (72%), *тенденция к резонерству* (42%, чаще – у мужчин). Конечно, резонерство носило несколько иной характер, чем при психических заболеваниях: не было случаев «разорванности» мышления, чрезмерно пафосной речи и прочих. Тем не менее тенденция к отвлеченным и витиеватым рассуждениям у некоторых испытуемых проявлялась довольно ярко.

Из протокола обследования.

Методика «Классификация предметов», 1-й этап, испытуемый – мужчина, 38 лет.

Исп.: Какие-то карточки у вас некрасивые. С другой стороны, что есть красота. Вот вроде все красивое, а вроде и нет. Что сегодня красиво, завтра уже увядает. Или послезавтра. Но и увядание тоже может... может быть красивым... Хотя на вкус и цвет. Что одному красиво, другому – смерть. Так ведь?

Эксп.: Вы помните, какое было задание?

Исп.: Да. Карточки разложить. (Начинает рассматривать карточки и выкладывать их по одной перед собой на столе).

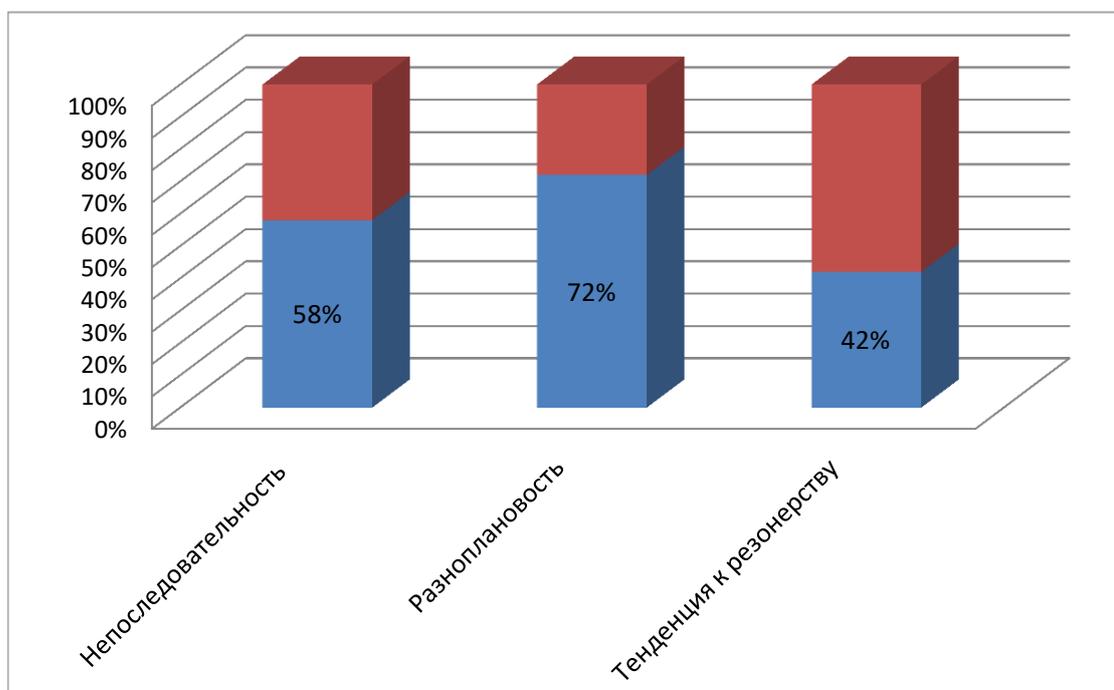

Рис 4. Особенности мышления испытуемых

Непоследовательность мышления, как правило, выражалась в том, что испытуемые при выполнении методики «Классификация предметов» одни группы складывали очень обобщенно, а другие – чрезмерно детально. С.Я. Рубинштейн писала, что «такая не последовательность мышления наблюдается при самых разнообразных заболеваниях – иногда при шизофрении, иногда при органических заболеваниях, но обычно в период какого-то легкого неблагополучия» [7, с. 85]. Разноплановость мышления чаще всего была связана не с причудливостью критериев классификации, а с уже упоминавшейся выше эгоцентричностью мышления (например, наряду с правильными группами выделялись группы «что я люблю» и «что я не люблю», группа «для дома, для семьи»). Лишь в ряде случаев эти

испытуемые соглашались поменять способ классификации на предложенный экспериментатором. У 22% испытуемых при выполнении классификации проявилась тенденция к образованию конкретно-ситуативных связей: на 1-м этапе они начинали объединять то, что «бывает рядом» (например, платье+сантиметр+женщина; моряк+пароход+глобус; чашка+диван и т.д.), однако на 2-м этапе (после прямых указаний экспериментатора) испытуемые исправляли ошибки. Этим испытуемым также было трудно правильно объяснить пословицы и выполнить тест Эббингауза.

Увидев масштаб распространенности описанных особенностей мышления среди испытуемых, мы задали вопрос: проявляется ли это в повседневной жизни и если да, то как? На наш взгляд, мы постоянно сталкиваемся и с «эгоцентрическим своеобразием», и с разноплановостью, и с другими особенностями мышления у современных людей. Преподаватели вузов, особенно с большим стажем, в частных беседах высказывают замечания о масштабном снижении уровня логического мышления у студентов. В научной среде мы видим, что истина и объективные данные часто уступают амбициям или личной неприязни. Телевизионные передачи, Интернет и другие источники наполнены резонерскими рассуждениями. В сознании большинства людей независимо от уровня образования сплетаются и сосуществуют разноплановые понятия и суждения, и мировоззрение часто строится на взаимоисключающих положениях (например, православие и астрология, христианство и переселение души).

В нашей практике мы сталкивались с многочисленными случаями, когда врачи (даже кандидаты медицинских наук) начинают составлять «медицинские гороскопы», диагностировать и «лечить» на расстоянии; логопеды серьезно рассуждают об «энергетическом вампиризме» со стороны больных детей; психологи «очищают чакры» детям с аутизмом, а взрослых «погружают» в прошлые жизни. По мнению отечественных психиатров, в последние годы «Россия переживает настоящий бум оккультизма и мистики... Произошел своего рода "десант средневековья в конец XX века"» [3, с. 21]. Возможно, что скоро тот, кто будет мыслить согласно законам формальной логики, будет казаться окружающим странным человеком с непонятным мировоззрением. Перефразируя З. Фрейда, мы можем сказать, что имеет место «патопсихология обыденной жизни» – проявления в повседневной жизни разноплановости, непоследовательности, резонерства и других особенностей мышления, которые ранее регистрировались (в более яркой форме) в патопсихологическом исследовании психически больных людей.

6. Для многих испытуемых (рис. 5) были характерны *нейродинамические особенности*: утомляемость, колебания внимания и продуктивности, трудности вникания в суть задания, долгий период вработывания, неравномерность темпа деятельности. Большинство испытуемых осознавали эти особенности и предъявляли жалобы на сниженный соматический статус (быстрое возникновение усталости, нарушения сна, частые головные боли, трудности сосредоточения внимания на работе и другие).

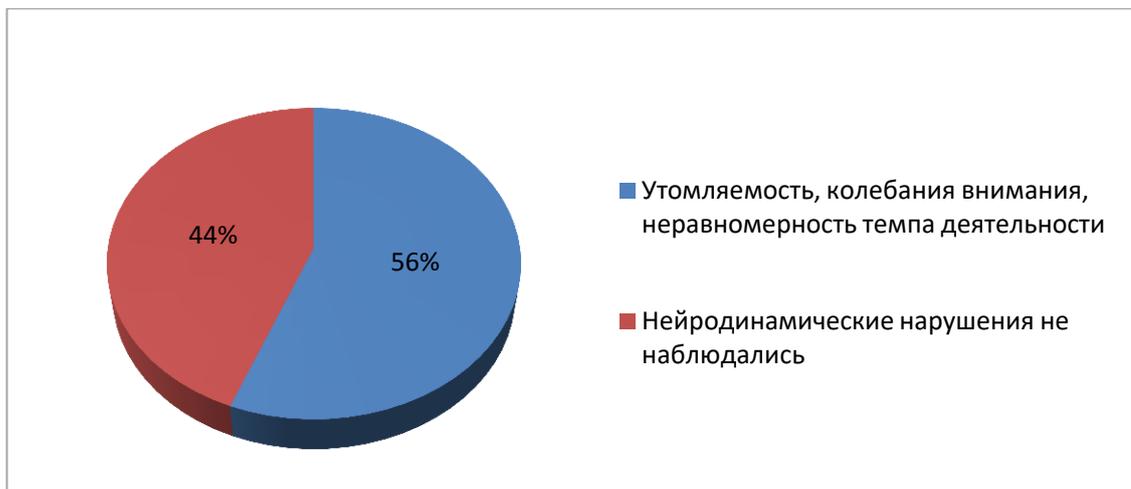

Рис 5. Нейродинамические особенности испытуемых

В целом результаты эксперимента позволяют выделить две сферы, в которых заметны наибольшие изменения: эмоционально-мотивационная (личностная) сфера и мышление. Осознавая все несовершенства и ограничения нашего пилотажного исследования, мы бы хотели привлечь внимание профессиональной общественности к изучаемой проблеме и подчеркнуть ее значимость.

В узком смысле – это проблема нормативных данных, в более широком смысле – проблема влияния социокультурных изменений на психическое развитие ребенка и взрослого человека. Данная тема в последнее время стала активно затрагиваться в работах исследователей [8; 9; 10; 11; 13]. Так, А.Ш. Тхостов и К.Г. Сурнов ставят вопрос: «Каково влияние на человека новых социокультурных условий, среды обитания, типов коммуникаций, новых технологий удовлетворения потребностей? В какой степени изменения социальной и технологической среды могут влиять на изменения в процессе социализации не только высших психических и иных функций, но порождать новые “высшие” формы психической или иной патологии, являющиеся следствием той же самой социализации?» [9, с. 20].

С нашей точки зрения, необходимы не только теоретические рассуждения, но и масштабные исследования в данной области.

Благодарности

Авторы благодарят добровольцев, принявших участие в исследовании.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
2. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Смысл, Эксмо, 2005. 1136 с.

3. *Дмитриева Т.Б., Положий Б.С.* Психическое здоровье россиян // Человек. 2002. №6. С. 21–31.
4. *Зверева Н.В., Кутырева Я.С., Казакова М.В.* Восприятие и выражение эмоций подростками в норме и при шизофрении [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2016. Т. 5. № 4. С. 76–92. URL: http://psyjournals.ru/psyclin/2016/n4/Zvereva_et_al.shtml (дата обращения: 01.03.17).
5. *Зейгарник Б.В.* Патопсихология. М.: изд-во МГУ, 1986. 287 с.
6. *Полякова Т.А.* Глобальные изменения в обществе обуславливают качественные изменения самого человека – интервью с Д.И. Фельдштейном // Психологическая наука и образование. 2009. № 3. С. 103.
7. *Рубинштейн С.Я.* Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике. М.: Апрель-пресс, Психотерапия, 2010. 224 с.
8. Современные представления о психической норме и патологии: психологический, клинический и социальные аспекты / Отв. ред. Н.Л. Белопольская. М.: Когито-Центр, 2015. 293 с.
9. *Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г.* Культура и патология: побочные эффекты социализации // Национальный психологический журнал. 2006. Т. 1. №1. С. 20–27.
10. *Урываев В.А., Сенин И.Г.* Социально-психологические детерминанты динамики выраженности нормативного развития личностных черт в периоды трансформации российского общества // Диагностика в медицинской (клинической) психологии: современное состояние и перспективы. Коллективная монография / Под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рожиной. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2016. С. 187–196.
11. *Фельдштейн Д.И.* Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Сборник материалов выездного заседания Президиума РАО в Нижнем Новгороде 19–20 апреля 2010 г. / под ред. Д.И. Фельдштейна. М., Воронеж: МПСИ, Модэк, 2010. 16 с.
12. *Kay S., Opler L., Fiszbein A.* The Positive and Negative Syndrome Scale (PANSS) // Schizophrenia Bull. 1987. Vol. 13. № 2. P. 261–276.
13. *Sultanova A., Ivanova I.* The Features of a Social Situation of Development of Children under Modern Russian Conditions // International Symposium Situating Childhood & Child Development: Socio-cultural Approaches and Educational Interventions (April 9–10, 2010, Potsdam) / H. Giest, M. Kontopodis, G. Rückriem (eds.). Potsdam: Department for Teacher Training University of Potsdam & International Society for Cultural and Activity Research (ISCAR), 2010. P. 26–27.
14. *Wechsler D.* Manual for the Wechsler Adult Intelligence Scale. New York: Psychological Corp., 1955. 110 p.

To the Problem of Normative Data in Pathopsychological Diagnostics

Sultanova A.S.,

PhD (Psychology), leading researcher, Institute for the Study of Childhood, Family and Education, Russian Academy of Education, Moscow, Russia, alfiya_Sultanova@mail.ru

Ivanova I.A.,

PhD (Physics and mathematics), leading specialist, Psychological Center «Satellite», Moscow, Russia, irina_a_ivanova@mail.ru

The article raises the question of the actuality level of normative data. This kind of data is necessary to compare the results of experimental studies with it, according to the traditions of Russian psychology. It can be assumed that the social changes that took place in the last decades should reflect on the process of forming of thinking and other mental functions. A pilot study for identifying the features of performing of classical pathopsychological techniques by healthy subjects was conducted. The study involved mentally healthy and socially adapted people of 20-39 years old, graduated or undergraduated. We used next several techniques: "Classification of objects", "Pictogram", filling in words missed in the text (Ebbinghaus test), "Interpretation of proverbs". The results of the experiment made it possible to identify two areas in which the changes were most significant. These spheres are emotional-motivational (personality) and thinking. Many subjects were characterized by: a wary-anxious attitude to the experiment, increased emotional - personal attitude to the stimuli material, a decrease in criticality to the results of their activities, neurodynamic disorders, inconsistency of thinking, versatility of thinking, a tendency to resonate, self-centered thinking (according to the authors these features are manifested in the form of "pathopsychology of everyday life" in everyday lifestyle). It is necessary to conduct special large-scale scientific research devoted to this problem.

Keywords: clinical psychology, pathopsychology, pathopsychological diagnostics, normative data.

Acknowledgements

The authors are grateful to the volunteers who participated in the study.

References

1. Vygotskii L.S. Myshlenie i rech [Thinking and speech]. Moscow: Labirint, 1999. 352 p.
2. Vygotskii L.S. Psikhologiya razvitiya cheloveka [Psychology of human development]. Moscow: Smysl, Eksmo, 2005. 1136 p.
3. Dmitrieva T.B., Polozhii B.S. Psikhicheskoe zdorov'e rossiyan [Mental health of Russians]. *Chelovek [Human]*, 2002, no. 6, pp. 21–31.
4. Zvereva N.V., Kutyreva Ya.S., Kazakova M.V. Vospriyatie i vyrazhenie emotsii podrostkami v norme i pri shizofrenii [Perception and expression of emotions by adolescents in norm and in schizophrenia] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya, [Clinical and Special Psychology]*, 2016, vol. 5, no. 4, pp. 76–92. Available at: http://psyjournals.ru/psyclin/2016/n4/Zvereva_et_al.shtml (Accessed: 01.03.17).
5. Zeigarnik B.V. Patopsikhologiya [Pathopsychology]. Moscow: Publ. of MGU, 1986. 287 p.
6. Polyakova T.A. Global'nye izmeneniya v obshchestve obuslovlivayutkachestvennyeizmeneniya samogo cheloveka – interv'yu s D.I. Fel'dshteinom [Global changes in society lead to qualitative changes in the person himself - Interview with D.I. Feldstein]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2009, no. 3, p. 103.
7. Rubinshtein S.Ya. Eksperimental'nye metodiki patopsikhologii i opyt primeneniya ikh v klinike. [Experimental methods of pathopsychology and experience of their application in clinics]. Moscow: Aprel'-press, Psikhoterapiya, 2010. 224 p.
8. Sovremennye predstavleniya o psikhicheskoi norme i patologii: psikhologicheskii, klinicheskii i sotsial'nye aspekty. N.L. Belopol'skaya (ed.) [Modern ideas about the mental norm and pathology: psychological, clinical and social aspects]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2015. 293 p.
9. Tkhostov A.Sh., Surnov K.G. Kul'tura i patologiya: pobochnye efekty sotsializatsii [Culture and pathology: side - effects of socialization]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [The National Psychological Journal]*, 2006, vol. 1, no. 1, pp. 20–27.
10. Uryvaev V.A., Senin I.G. Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty dinamiki vyrazhennosti normativnogo razvitiya lichnostnykh chert v periody transformatsii rossiiskogo obshchestva [Socio-psychological determinants of dynamics of manifestation of the normative development of personality features during periods of transformation of Russian society]. In N.V. Zvereva, I.F. Roshchina (eds.) *Diagnostika v meditsinskoj (klinicheskoi) psikhologii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Diagnosis in medical (clinical) psychology: the current state and future trends]*. Moscow: OOO «Sam Poligrafist», 2016. pp. 187–196.

11. Fel'dshtein D.I. Prioritetnye napravleniya psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy v usloviyakh znachimykh izmeneniy rebenka i situatsii ego razvitiya [Priority directions of psychological and pedagogical researches in the context of significant changes of child and the situation of his development]. *Doklad na vyezdnom zasedanii Prezidiuma RAO v Nizhnem Novgorode 19-20 aprelya 2010 g.* [Report at the visiting session of the Presidium of RAE in Nizhny Novgorod on 19-20 April 2010]. Moscow, Voronezh: publ of MPSI, Modek, 2010. 16 p.
12. Kay S., Opler L., Fiszbein A. The Positive and Negative Syndrome Scale (PANSS). *Schizophrenia Bull*, 1987, vol. 13, no 2, pp. 261–276.
13. Sultanova A., Ivanova I. The Features of a Social Situation of Development of Children under Modern Russian Conditions. In H. Giest, M. Kontopodis, G. Rückriem (eds.) *International Symposium Situating Childhood & Child Development: Socio-cultural Approaches and Educational Interventions. Potsdam: April 9-10, 2010.* Potsdam: Department for Teacher Training University of Potsdam & International Society for Cultural and Activity Research (ISCAR), 2010, pp. 26–27.
14. Wechsler D. Manual for the Wechsler Adult Intelligence Scale. New York: Psychological Corp., 1955. 110 p.